

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Разрешение споров по требованиям о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения

4. Собственник жилого дома, в непосредственной близости от которого ведутся строительные работы, вправе требовать обеспечения застройщиком безопасного производства работ.

Ц. обратился в суд с иском к К. о возмещении ущерба, компенсации морального вреда и возложении на ответчика обязанности совершить определенные действия, указав на то, что ответчик в процессе возведения многоэтажного здания в непосредственной близости от жилого дома истца нарушает порядок осуществления строительства, что причиняет истцу и членам его семьи имущественный ущерб, а также создает угрозу их жизни и здоровью. В связи с этим Ц. просил суд обязать ответчика привести в соответствие с установленными требованиями ограждение всей территории строительной площадки, установив специальный защитный козырек, а также оградительную сетку в целях избежания попадания строительного мусора и бетонного раствора со строящегося объекта на проезд к дому, в котором проживает Ц., и придомовую территорию.

Кроме того, истец указал, что вследствие допущения ответчиком при ведении строительства нарушений в части устройства защитных ограждений строительной площадки и соблюдения техники безопасности причинен ущерб принадлежащим ему транспортным средствам, который подлежит возмещению.

Разрешая спор и частично удовлетворяя требования Ц., суд с учетом заключения судебной автотехнической экспертизы установил факт падения со строящегося объекта капель строительного раствора, причинивших повреждения лакокрасочному покрытию автомобилей истца, и признал доказанным причинение вреда имуществу истца по вине ответчика. Отказывая в удовлетворении требований Ц. о возложении на К. как на застройщика многоэтажного здания обязанности привести ограждение строительных конструкций в соответствие с требованиями нормативных документов, обеспечить безопасность прохода к дому вдоль стройки и пользования придомовой территорией, суд пришел к выводу об отсутствии у Ц. субъективного права заявлять соответствующие требования, поскольку посчитал, что они направлены на защиту прав неопределенного круга лиц и конкретного муниципального образования, выступать от имени которых истец в силу действующего законодательства не вправе.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции, дополнительно указав на отсутствие в материалах дела данных о том, что строительство ведется ответчиком с нарушением строительных и градостроительных норм и правил.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с вынесенными судебными постановлениями в той части, в которой в удовлетворении исковых требований заявителя было отказано, не согласилась по следующим основаниям.

Согласно Конституции Российской Федерации каждому гарантируется государственная, в том числе судебная, защита его прав и свобод (ч. 1 ст. 45, ч. 1 ст. 46). Право на судебную защиту является непосредственно действующим, оно признается и гарантируется в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации (ч. 1 ст. 17, ст. 18).

Исходя из принципа диспозитивности гражданского судопроизводства заинтересованное лицо по своему усмотрению выбирает формы и способы защиты своих прав, не запрещенные законом. В силу положений ч. 1 ст. 3 и ч. 1 ст. 4 ГПК РФ условием реализации этих прав является указание в исковом заявлении на то, в чем заключается нарушение либо угроза нарушения прав, свобод или законных интересов истца.

Статья 1 (п. 1) ГК РФ к числу основных начал гражданского законодательства относит, в частности, необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты, а абзац третий ст. 12 ГК РФ устанавливает такой способ защиты гражданских прав, как восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения.

Таким образом, действующее законодательство прямо предусматривает, что заявление требования о пресечении действий, нарушающих право, может быть использовано конкретным субъектом в качестве способа защиты его нарушенного права.

В связи с этим вывод суда о том, что требования истца о возложении обязанности на ответчика привести в соответствие с установленными требованиями ограждение всей территории строительной площадки, установив специальный защитный козырек, а также оградительную сетку, направлены на защиту прав неопределенного круга лиц и муниципального образования, а не на защиту прав заявителя, является ошибочным.

В силу ч. 6 ст. 52 Градостроительного кодекса Российской Федерации лицо, осуществляющее строительство, обязано обеспечивать безопасность работ для третьих лиц и окружающей среды.

Согласно ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 30 декабря 2009 г. N 384-ФЗ "Технический регламент о безопасности зданий и сооружений" безопасность зданий и сооружений, а также связанных со зданиями и сооружениями процессов проектирования (включая изыскания), строительства, монтажа, наладки, эксплуатации и утилизации (сноса) обеспечивается посредством установления соответствующих требованиям безопасности проектных значений параметров зданий и сооружений и качественных характеристик в течение всего жизненного цикла здания или сооружения, реализации указанных значений и характеристик в процессе строительства и поддержания состояния таких параметров и характеристик на требуемом уровне в процессе эксплуатации, консервации и сноса.

В ст. 35 названного закона установлено, что строительство, реконструкция, капитальный и текущий ремонт здания или сооружения, консервация объекта, строительство которого не завершено, должны осуществляться таким образом, чтобы негативное воздействие на окружающую среду было минимальным и не возникала угроза для жизни и здоровья граждан, имущества физических или юридических лиц, государственного или муниципального имущества, жизни и здоровья животных и растений.

Статья 304 ГК РФ предусматривает, что собственник может требовать устранения всяких нарушений его права, хотя бы эти нарушения и не были соединены с лишением владения, предоставляя собственнику защиту от действий, не связанных с лишением владения, в том числе от действий собственника (владельца) соседнего земельного участка.

Из содержания приведенных выше норм Градостроительного кодекса Российской Федерации и Федерального закона от 30 декабря 2009 г. N 384-ФЗ "Технический регламент о безопасности зданий и сооружений" в их системной взаимосвязи с положениями ст. 304 ГК РФ следует, что К., занимающийся строительными работами на расположенном в непосредственной близости от жилого дома истца земельном участке, должен обеспечить такое производство работ, которое было бы безопасным для истца и членов его семьи, а Ц., в свою очередь, обладает правом требовать от ответчика исполнения соответствующей обязанности.

Как указано в п. 45 совместного постановления Пленумов Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. N 10/22 "О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав" (далее - постановление Пленума N 10/22), применяя ст. 304 ГК РФ, судам необходимо учитывать, что в силу ст. 304, 305 ГК РФ иск об устранении нарушений права, не связанных с лишением владения, подлежит удовлетворению в случае, если истец докажет, что он является собственником или лицом, владеющим имуществом по основанию, предусмотренному законом или договором, и что действиями ответчика, не связанными с лишением владения, нарушается его право собственности или законное владение. Иск об устранении нарушений права, не связанных с лишением владения, подлежит удовлетворению независимо от того, на своем или чужом земельном участке либо ином объекте недвижимости ответчик совершает действия (бездействие), нарушающие право истца.

В соответствии с п. 46 постановления Пленума N 10/22 при рассмотрении исков об устранении нарушений права, не связанных с лишением владения, путем возведения ответчиком здания, строения, сооружения суд устанавливает факт соблюдения градостроительных и строительных норм и правил при строительстве соответствующего объекта. Несоблюдение, в том числе незначительное, градостроительных и строительных норм и правил при строительстве может являться основанием для удовлетворения заявленного иска, если при этом нарушается право собственности или законное владение истца.

В силу п. 47 постановления Пленума N 10/22, удовлетворяя иск об устранении нарушений права, не связанных с лишением владения, суд вправе как запретить ответчику совершать определенные действия, так и обязать ответчика устранить последствия нарушения права истца.

Согласно п. 1 ст. 1065 ГК РФ опасность причинения вреда в будущем может явиться основанием к иску о запрещении деятельности, создающей такую опасность.

С учетом изложенного обстоятельством, имеющим значение для правильного рассмотрения дел о пресечении действий, нарушающих право, является установление факта нарушения ответчиком права, принадлежащего истцу, либо угрозы такого нарушения.

Как следует из материалов дела, Ц., обращаясь в суд с иском о возложении на К. обязанности устранить нарушения порядка осуществления строительства многоэтажного здания, указывал на то, что эти нарушения не только сопряжены с причинением вреда его имуществу, но и ставят под угрозу жизнь и здоровье заявителя и членов его семьи.

При рассмотрении дела суд установил факт падения капель раствора со строящегося здания на автомобили истца, причинившего повреждения их лакокрасочному покрытию, то есть факт нарушения имущественных прав истца в результате производства строительных работ, однако указал, что опасения истца за свою жизнь и жизнь членов его семьи безосновательны, поскольку опасность падения тяжелого предмета за пределы строительной площадки отсутствует.

Между тем судом не было учтено следующее.

В ходе судебных заседаний Ц. указывал, что строящееся здание находится в непосредственной близости от его домовладения. Ширина проезда между его домом и строящимся объектом составляет 6 метров.

Допрошенный в судебном заседании свидетель пояснил, что на проезде, разделяющем земельные участки истца и ответчика, валяются куски кирпича. Другой свидетель в судебном заседании указал, что видел, как при сильном ветре кусок профнастила отлетел от строительного забора ответчика и упал на автомобиль, принадлежащий истцу.

Согласно ответу на обращение Ц., данному департаментом по надзору в строительной сфере, специалистом департамента в период с 22 по 30 декабря 2015 г. проводилась плановая проверка строящегося здания и выявлены в том числе нарушения в части устройства защитных ограждений строительной площадки и лестничных маршей, а также установки информационного щита при въезде на строительную площадку. При очередной проверке с 10 февраля по 10 марта 2016 г. выявлены нарушения требований проектной документации, утвержденной в установленном порядке, требований технических регламентов, в том числе техники безопасности (допущены нарушения при устройстве монолитных перемычек и внутренних стен и перегородок, ограждения строительной площадки выполнено без защитных экранов, козырек выполнен не по всему периметру, отсутствуют защитные ограждения перепадов высот более 1,3 метра, отсутствует информационный щит). Впоследствии при проведении внеплановой проверки в период с 12 по 29 апреля 2016 г. специалистом департамента установлено, что строительные работы возобновлены, ранее выявленные нарушения не устранены. Отмечалось также, что срок действия разрешения на строительство истек. С 24 июля по 1 июля 2016 г. при очередной проверке выявлено продолжение незаконного строительства, нарушения не устранены.

Однако эти обстоятельства были оставлены без внимания и оценки судебных инстанций.

Определение N 18-КГ17-49

**Разрешение споров, связанных с защитой права собственности
и других вещных прав**

5. Несоблюдение компетентными органами процедуры изъятия жилого помещения, установленной ст. 32 ЖК РФ, не препятствует собственнику данного жилого помещения требовать в связи с изъятием выплаты возмещения.

М. обратилась в суд с иском к администрации муниципального образования о взыскании денежной компенсации в счет возмещения за жилое помещение.

В обоснование исковых требований М. указала, что является собственником 1/10 доли в праве общей долевой собственности на жилое помещение - квартиру, расположенную в многоквартирном доме. Заключением межведомственной комиссии указанный жилой дом признан аварийным и непригодным для проживания, после чего снесен. Поскольку компенсация за жилое помещение ей не была предоставлена, просила взыскать с ответчика денежную компенсацию за 1/10 доли в праве собственности на указанную квартиру в размере 690 000 руб., а также возмещение расходов на регистрацию права собственности на другое жилое помещение в размере 2000 руб., на оплату услуг по подбору жилого помещения в размере 50 000 руб., расходы на проведение оценки в сумме 2000 руб.

Разрешая спор и удовлетворяя заявленные исковые требования в полном объеме, суд первой инстанции указал на то, что жилой дом, в котором находилось принадлежащее истцу жилое помещение, признан аварийным и подлежащим сносу, в связи с чем истец имеет право на получение выкупной стоимости жилого помещения. То обстоятельство, что администрация муниципального образования снесла дом, то есть осуществила действия по реализации властных полномочий, не разрешив вопрос о выплате возмещения собственникам жилых помещений в установленном порядке, без соблюдения процедуры, установленной ст. 32 ЖК РФ, не является основанием для освобождения ответчика от выплаты возмещения за жилое помещение.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об отказе в удовлетворении иска, суд апелляционной инстанции исходил из того, что правовым последствием признания дома аварийным и подлежащим сносу для собственника жилого помещения является выплата ему выкупной цены изымаемого жилого помещения, порядок и процедура которой определены в ст. 32 ЖК РФ, предусматривающей предъявление собственнику требования о сносе и реконструкции названного жилого дома.

Поскольку требование о сносе или реконструкции признанного аварийным жилого дома собственникам расположенных в нем жилых помещений не направлялось, решение об изъятии земельного участка не принималось, судебная коллегия пришла к выводу о том, что у администрации муниципального образования отсутствовала законная возможность осуществить возмездное изъятие принадлежащего М. жилого помещения в аварийном жилом доме, а также ее доли в праве собственности на земельный участок, с учетом которой определена выкупная стоимость.

При этом суд апелляционной инстанции указал на то, что М. не лишена возможности осуществить защиту своих прав собственника жилого помещения в признанном аварийном многоквартирном жилом доме путем понуждения администрации муниципального образования к осуществлению регламентированной ст. 32 ЖК РФ процедуры изъятия земельного участка и принадлежащего ей жилого помещения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшееся по делу апелляционное определение и направила дело на новое апелляционное рассмотрение по следующим основаниям.

Согласно ч. 8 ст. 32 ЖК РФ предоставление собственнику взамен изымаемого жилого помещения другого жилого помещения допускается только по соглашению с собственником жилого помещения с зачетом стоимости предоставляемого жилого помещения в выкупную цену.

Таким образом, жилое помещение может быть изъято у собственника либо путем выкупа, либо по соглашению с собственником ему может быть предоставлено другое жилое помещение с зачетом его стоимости в выкупную цену.

В силу ч. 9 ст. 32 ЖК РФ, если собственник жилого помещения не согласен с решением об изъятии жилого помещения либо с ним не достигнуто соглашение о выкупной цене жилого помещения или других условиях его выкупа, орган государственной власти или орган местного самоуправления, принявшие такое решение, могут предъявить в суд иск о выкупе жилого помещения.

В соответствии с п. 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009

г. N 14 "О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации" судам следует учитывать, что в силу ч. 10 ст. 32 ЖК РФ признание в установленном порядке многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции является, по общему правилу, основанием для предъявления органом, принявшим такое решение, к собственникам жилых помещений в указанном доме требования о его сносе или реконструкции в разумный срок за счет их собственных средств.

В том случае, если собственники жилых помещений в предоставленный им срок не осуществили снос или реконструкцию многоквартирного дома, органом местного самоуправления принимается решение об изъятии земельного участка, на котором расположен указанный аварийный дом, для муниципальных нужд (чтобы на территории муниципального образования не было жилого дома, не позволяющего обеспечить безопасность жизни и здоровья граждан) и соответственно об изъятии каждого жилого помещения в доме путем выкупа, за исключением жилых помещений, принадлежащих на праве собственности муниципальному образованию. К порядку выкупа жилых помещений в аварийном многоквартирном доме в этом случае согласно ч. 10 ст. 32 ЖК РФ применяются нормы чч. 1 - 3, 5 - 9 ст. 32 ЖК РФ. При этом положения ч. 4 ст. 32 ЖК РФ о предварительном уведомлении собственника об изъятии принадлежащего ему жилого помещения применению не подлежат.

Как усматривается из материалов дела, ответчиком процедура изъятия жилого помещения для муниципальных нужд, установленная ст. 32 ЖК РФ, нарушена, в связи со сносом жилого дома возможность соблюдения такой процедуры утрачена.

На момент рассмотрения спора принадлежащее истцу на праве собственности жилое помещение в результате распорядительных действий ответчика было фактически изъято из ее владения без предоставления равноценного возмещения.

Между тем в соответствии со ст. 35 Конституции Российской Федерации никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения.

Несоблюдение органом местного самоуправления установленной законом процедуры, что имело место по данному делу, не должно умалять права истца и препятствовать их восстановлению.

С учетом изложенных выше норм права Судебная коллегия признала необоснованным вывод суда апелляционной инстанции о том, что М. не лишена возможности осуществить защиту своих прав собственника жилого помещения в аварийном многоквартирном жилом доме путем понуждения администрации муниципального образования к осуществлению регламентированной ст. 32 ЖК РФ процедуры изъятия земельного участка и принадлежащего ей жилого помещения.

Определение N 1-КГ17-6

6. Цена находящегося в государственной собственности земельного участка, выкупаемого собственником расположенных на нем строений, определяется исходя из кадастровой стоимости этого участка на момент обращения с заявлением о выкупе в уполномоченный орган.

К. обратился в суд с иском к департаменту имущественных и земельных отношений администрации области об урегулировании разногласий, возникших при заключении договора купли-продажи земельного участка.

Судом по делу установлено, что К. является арендатором земельного участка, который поставлен на кадастровый учет.

На арендуемом земельном участке располагаются принадлежащие К. на праве собственности объекты недвижимости - нежилые здания.

Решением суда от 6 февраля 2015 г. кадастровая стоимость арендуемого К. земельного участка установлена в размере 6 549 422 руб.

5 октября 2015 г. К. обратился в департамент с заявлением о предоставлении в собственность

арендуемого им земельного участка.

24 декабря 2015 г. департамент направил К. проект договора купли-продажи земельного участка от 11 декабря 2015 г., проект дополнительного соглашения о расторжении договора аренды земельного участка от 18 ноября 2004 г., заявителю предложено произвести оплату согласно п. 2.2 договора в размере 2 026 822 руб. 29 коп. в течение 7 рабочих дней с даты получения договора и в 30-дневный срок со дня получения уведомления подписать проект договора купли-продажи, проект дополнительного соглашения и направить в департамент.

Не согласившись с расчетом цены выкупа земельного участка исходя из размера кадастровой стоимости 16 214 578 руб. 32 коп., 25 декабря 2015 г. К. обратился в департамент с заявлением с просьбой внести изменения в проект договора купли-продажи находящегося в государственной собственности земельного участка от 11 декабря 2015 г. в части расчета выкупной стоимости указанного участка, поскольку на момент обращения его с заявлением в государственном кадастре недвижимости содержались сведения о кадастровой стоимости земельного участка в размере 6 549 422 руб., информация о кадастровой стоимости земельного участка в размере 16 214 578 руб. 32 коп. являлась неактуальной и в ГКН не содержалась.

16 февраля 2016 г. департамент проинформировал о рассмотрении указанного обращения по вопросу перерасчета выкупной стоимости земельного участка и сообщил, что с 1 января 2016 г. кадастровая стоимость земельного участка установлена в размере 12 581 583 руб. 8 коп., в связи с чем направил истцу проект договора купли-продажи земельного участка от 4 февраля 2016 г., проект дополнительного соглашения о расторжении договора аренды земельного участка от 18 ноября 2004 г., К. предложено произвести оплату согласно п. 2.2 договора в размере 1 572 697 руб. 89 коп. в течение 7 рабочих дней с даты получения договора и в 30-дневный срок со дня получения уведомления подписать проект договора купли-продажи, проект дополнительного соглашения и направить в департамент.

Не согласившись с расчетом цены выкупа земельного участка и выкупной ценой, К. 25 февраля 2016 г. сопроводительным письмом направил в департамент проект договора купли-продажи находящегося в государственной собственности земельного участка от 4 февраля 2016 г. вместе с протоколом разногласий к проекту договора от 24 февраля 2016 г. и протоколом согласования разногласий от 24 февраля 2016 г.

29 апреля 2016 г. К. получен ответ от 24 марта 2016 г. об отклонении протокола разногласий, так как на момент принятия решения о заключении договора купли-продажи земельного участка кадастровая стоимость земельного участка составляла 12 581 583 руб. 8 коп.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, в удовлетворении исковых требований отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что состоявшиеся по делу судебные акты приняты с нарушением норм действующего законодательства.

Согласно п. 5 ст. 39.20 Земельного кодекса Российской Федерации (далее - ЗК РФ, Кодекс) для приобретения права собственности на земельный участок все собственники здания, сооружения или помещений в них, за исключением лиц, которые пользуются земельным участком на условиях сервитута для прокладки, эксплуатации, капитального или текущего ремонта коммунальных, инженерных, электрических и других линий, сетей или имеют право на заключение соглашения об установлении сервитута в указанных целях, совместно обращаются в уполномоченный орган.

Из положений п. 5 ст. 39.17 Кодекса следует, что в срок не более чем 30 дней со дня поступления заявления о предоставлении земельного участка в собственность уполномоченный орган рассматривает поступившее заявление, проверяет наличие или отсутствие оснований для отказа в предоставлении земельного участка, предусмотренных ст. 39 ЗК РФ, и при отсутствии таких оснований, если не требуется образование испрашиваемого земельного участка или уточнение его границ, осуществляет подготовку проекта договора купли-продажи в трех экземплярах и их подписание, а также направляет проекты указанных договоров для подписания заявителю либо принимает решение о предоставлении земельного участка в собственность бесплатно и направляет принятое решение заявителю.

Таким образом, обязанность заключить с собственником расположенных на земельном участке строений договор купли-продажи этого участка, по общему правилу, возникает у уполномоченного органа с

момента обращения такого собственника с соответствующим заявлением.

Как предусмотрено п. 4 ст. 421 ГК РФ, условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами.

Согласно п. 2 ст. 39.4 ЗК РФ при заключении без проведения торгов договора купли-продажи земельного участка, находящегося в собственности субъекта Российской Федерации или государственная собственность на который не разграничена, цена такого земельного участка определяется в порядке, установленном органом государственной власти субъекта Российской Федерации, если иное не установлено федеральными законами.

Цена названного земельного участка не может превышать его кадастровую стоимость или иной размер цены земельного участка, если он установлен федеральным законом (п. 3 ст. 39.4 Кодекса).

Статьей 24.20 Федерального закона от 29 июля 1998 г. N 135-ФЗ "Об оценочной деятельности в Российской Федерации" предусмотрено, что, по общему правилу, сведения о кадастровой стоимости используются для целей, предусмотренных законодательством Российской Федерации, с даты их внесения в государственный кадастр недвижимости.

Следовательно, цена находящегося в государственной собственности земельного участка, выкупаемого собственником расположенных на таком участке строений, определяется исходя из кадастровой стоимости этого участка на момент обращения собственника расположенных на нем строений в уполномоченный орган с соответствующим заявлением.

Это не было учтено судами первой и апелляционной инстанций, указавшими, что выкупная цена земельного участка подлежит определению исходя из его кадастровой стоимости на момент принятия.

Определение N 14-КГ17-12

Разрешение споров, связанных с исполнением обязательств

7. Право на индексацию взысканной решением суда денежной суммы за период до исполнения обязательства должника третьим лицом и последующего перехода к этому лицу права требования к должнику принадлежит первоначальному кредитору, если исполнение произведено третьим лицом без учета индексации присужденной денежной суммы.

Вступившим в законную силу решением суда от 5 июня 2012 г. в пользу общества-1 с общества-2 и Т. солидарно взыскана задолженность по договору поставки от 20 сентября 2010 г., в том числе сумма основного долга, проценты за пользование коммерческим кредитом, проценты за пользование коммерческим кредитом, начисленные по ставке 0,1% за каждый день пользования кредитом, расходы на оплату государственной пошлины.

Определением суда от 17 июня 2015 г. произведена замена взыскателя (общество-1) на К. на основании заключенного между ними договора уступки права (требований).

Судом установлено, что 11 ноября 2015 г. общество-3 исполнило обязательства Т.

Отказывая в удовлетворении заявления К. об индексации взысканной решением суда денежной суммы за период с момента вынесения решения до его исполнения обществом-3, суд первой инстанции сослался на то, что предложенное обществом-3 исполнение принято кредитором К., в связи с чем на основании ст. 313 и 387 ГК РФ с момента исполнения обязательства к обществу-3 перешли все права кредитора по этому обязательству, что является основанием для замены в соответствии с ч. 1 ст. 44 ГПК РФ взыскателя К. на общество-3 в полном объеме, включая индексацию присужденной суммы за весь период неисполнения решения суда.

Суд апелляционной инстанции с такими выводами суда первой инстанции согласился.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что выводы судов сделаны с существенным нарушением норм материального и процессуального права.

В соответствии с подп. 1 п. 2 ст. 313 ГК РФ при просрочке должником исполнения денежного обязательства кредитор обязан принять исполнение, предложенное за должника третьим лицом и в том случае, если должник не возлагал на это лицо исполнение обязательства.

Согласно п. 5 данной статьи закона к третьему лицу, исполнившему обязательство должника, переходят права кредитора по обязательству в соответствии со ст. 387 названного кодекса. Если права кредитора по обязательству перешли к третьему лицу в части, они не могут быть использованы им в ущерб кредитору, в частности, такие права не имеют преимуществ при их удовлетворении за счет обеспечивающего обязательства или при недостаточности у должника средств для удовлетворения требования в полном объеме.

По смыслу приведенных выше норм права кредитора переходят к третьему лицу в названном выше случае в том объеме, в каком это лицо произвело исполнение за должника.

Из установленных судом обстоятельств следует, что на момент исполнения обществом-3 обязательства должников кредитором являлся К.

Решение суда о взыскании суммы долга и процентов по договору принято 5 июня 2012 г., а исполнение произведено обществом-3 10 ноября 2015 г.

Того обстоятельства, что исполнение решения суда о взыскании денежной суммы произведено обществом-3 с учетом ее индексации, судом не установлено.

Напротив, из приложенного к заявлению общества-3 расчета следует, что уплаченная этим обществом К. денежная сумма включает в себя только взысканные решением суда основной долг, проценты на определенную этим решением дату, сумму возмещения расходов на уплату государственной пошлины, а также проценты по договору за последующий период по день фактической уплаты долга. Индексация присужденной решением суда денежной суммы за период неисполнения этого решения в расчет не включена.

При таких обстоятельствах выводы суда первой инстанции об объеме требований, перешедших к исполнившему обязательство третьему лицу, сделаны без учета положений п. 5 ст. 313 ГК РФ.

Определение N 5-КГ17-13

8. Неисполнение покупателем обязанности по оплате переданного ему продавцом товара относится к существенным нарушениям условий договора купли-продажи.

Д. обратилась в суд с иском к П. о расторжении договора купли-продажи и возврате недвижимого имущества.

В обоснование заявленных требований истица указала, что заключила с ответчиком договор купли-продажи принадлежащих ей земельного участка и жилого дома.

Переход к ответчику права собственности на эти объекты недвижимости был в установленном законом порядке зарегистрирован в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним, однако ответчик свои обязательства по оплате земельного участка и жилого дома не исполнил, тем самым существенно нарушив условия договора купли-продажи.

Удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что в результате длительного неисполнения ответчиком обязательств по оплате приобретенных у истицы объектов недвижимости Д. в значительной степени лишилась того, на что она была вправе рассчитывать при заключении договора. Суд указал, что такое нарушение условий договора со стороны ответчика является существенным и порождает у истицы право требовать расторжения договора купли-продажи и возврата переданного ответчику имущества.

Проверяя законность принятого судом первой инстанции решения, суд апелляционной инстанции пришел к выводу о принятии по делу нового решения об отказе в удовлетворении исковых требований. При этом суд согласился с позицией истицы о том, что ответчик не выполнил свои обязанности по оплате приобретенного имущества, однако пришел к выводу, что такое нарушение договора не является

существенным и каких-либо доказательств, подтверждающих именно такой характер нарушения договора, истицей не представлено.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала данный вывод противоречащим положениям п. 2 ст. 450 ГК РФ, согласно которому существенным признается нарушение договора одной из сторон, которое влечет для другой стороны такой ущерб, что она в значительной степени лишается того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора.

Определяя существенность нарушения, допущенного покупателем, суд апелляционной инстанции должен был исходить из установленного им обстоятельства о том, что продавец не получил вообще никакой денежной суммы за проданное имущество, а потому с очевидностью лишился того, на что вправе был рассчитывать при заключении договора.

Кроме того, суд апелляционной инстанции со ссылкой на п. 3 ст. 486 ГК РФ указал, что неисполнение обязанности по оплате проданного товара не влечет возникновения у продавца права на расторжение договора купли-продажи, а порождает у него лишь право требовать оплаты товара и уплаты процентов за пользование чужими денежными средствами.

Такой вывод основан на неправильном толковании п. 3 ст. 486 ГК РФ, предусматривающего, что, если покупатель своевременно не оплачивает переданный в соответствии с договором купли-продажи товар, продавец вправе потребовать оплаты товара и уплаты процентов в соответствии со ст. 395 ГК РФ.

Из буквального толкования текста правовой нормы не следует, что в случае несвоевременной оплаты покупателем переданного в соответствии с договором купли-продажи товара продавец не имеет права требовать расторжения такого договора на основании подп. 1 п. 2 ст. 450 ГК РФ.

Судом апелляционной инстанции также неправильно применены разъяснения, содержащиеся в п. 65 совместного постановления Пленумов Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. N 10/22 "О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав".

Согласно абзацу четвертому указанного пункта в силу п. 4 ст. 453 ГК РФ стороны не вправе требовать возвращения того, что было исполнено ими по обязательству до момента изменения или расторжения договора, если иное не установлено законом или соглашением сторон. Вместе с тем согласно ст. 1103 ГК РФ положения о неосновательном обогащении подлежат применению к требованиям одной стороны в обязательстве к другой о возврате исполненного в связи с этим обязательством. Поэтому в случае расторжения договора продавец, не получивший оплаты по нему, вправе требовать возврата переданного покупателю имущества на основании ст. 1102 и 1104 указанного кодекса.

Определение N 78-КГ17-21

Разрешение споров, связанных с защитой прав потребителей

9. Определение страховых рисков по договору страхования жизни и здоровья гражданина-потребителя и предоставление страхователю необходимой информации о страховой услуге - обязанность страховщика, на котором лежит бремя доказывания надлежащего исполнения этой обязанности.

Х. обратился в суд с иском к страховой компании о взыскании суммы страхового возмещения и компенсации морального вреда.

В обоснование требований истец указал, что между ним и ответчиком заключен договор страхования от несчастных случаев. К страховым рискам отнесено в том числе наступление инвалидности в результате несчастного случая. В период действия договора истцу была установлена I группа инвалидности. Х. обратился в страховую компанию с заявлением о выплате страхового возмещения, приложив все необходимые документы, однако ответчик в выплате отказал, сославшись на отсутствие страхового случая, так как инвалидность установлена истцу в результате заболевания, а не несчастного случая.

Х. счел данный отказ незаконным и нарушающим его права, в связи с чем просил взыскать в его пользу сумму страхового возмещения в размере 1 000 000 руб. и 300 000 руб. в счет компенсации морального

вреда.

Как установлено судом, указанный договор страхования заключен между сторонами на основании утвержденных страховщиком Общих правил страхования от несчастных случаев и болезней (далее также - Правила). В качестве страховых рисков по указанному договору определены: временная утрата трудоспособности (здоровья) в результате несчастного случая; травма в результате несчастного случая; инвалидность в результате несчастного случая; смерть в результате несчастного случая; госпитализация в результате несчастного случая; операция в результате несчастного случая.

В период действия договора Х. установлена I группа инвалидности вследствие ишемического инсульта.

Отказ в выплате страхового возмещения страховая компания обосновала тем, что инвалидность Х. установлена в результате общего заболевания, а потому согласно условиям договора страхования данное событие не является страховым случаем.

Исследовав и оценив доказательства, а также дав толкование условиям договора, суд первой инстанции, с которым согласился и суд апелляционной инстанции, пришел к выводу о том, что в связи с установлением Х. I группы инвалидности наступил предусмотренный договором страхования страховой случай, а страховая компания неправомерно отказала истцу в выплате страхового возмещения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, оставляя названные судебные акты без изменения, исходила из следующего.

Согласно ст. 9 Закона Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. N 4015-1 "Об организации страхового дела в Российской Федерации" (далее - Закон об организации страхового дела) страховым риском является предполагаемое событие, на случай наступления которого проводится страхование. Событие, рассматриваемое в качестве страхового риска, должно обладать признаками вероятности и случайности его наступления (п. 1).

Страховым случаем является совершившееся событие, предусмотренное договором страхования или законом, с наступлением которого возникает обязанность страховщика произвести страховую выплату страхователю, застрахованному лицу, выгодоприобретателю или иным третьим лицам (п. 2).

Согласно ст. 10 Закона Российской Федерации 7 февраля 1992 г. N 2300-1 "О защите прав потребителей" (далее - Закон о защите прав потребителей) изготовитель (исполнитель, продавец) обязан своевременно предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию о товарах (работах, услугах), обеспечивающую возможность их правильного выбора.

Как разъяснено в п. 44 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. N 17 "О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей", при рассмотрении требований потребителя о возмещении убытков, причиненных ему недостоверной или недостаточно полной информацией о товаре (работе, услуге), суду следует исходить из предположения об отсутствии у потребителя специальных познаний о его свойствах и характеристиках, имея в виду, что в силу Закона о защите прав потребителей изготовитель (исполнитель, продавец) обязан своевременно предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию о товарах (работах, услугах), обеспечивающую возможность компетентного выбора.

В соответствии со ст. 431 ГК РФ при толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Буквальное значение условия договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом.

Если правила, содержащиеся в части первой данной статьи, не позволяют определить содержание договора, должна быть выяснена действительная общая воля сторон с учетом цели договора. При этом принимаются во внимание все соответствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи, последующее поведение сторон.

Судом по делу установлено, что при заключении договора страхования были заполнены и подписаны заявление на страхование от несчастного случая, а также карточка сведений о лице, подлежащем

страхованию. Страхователю выдан полис с указанием на ознакомление с Правилами страхования и получение этих правил застрахованным.

При этом как в заявлении, так и в полисе отсутствует указание на какое-либо различие между наступлением инвалидности от несчастного случая и от заболевания, равно как и то, что инвалидность вследствие болезни исключается из числа страховых случаев по договору.

Доказательств, свидетельствующих о том, что истцу разъяснялось, что инвалидность по болезни не будет являться страховым случаем, а также о наличии возможности заключить договор с дополнительным условием страхования от инвалидности вследствие болезни, суду не представлено.

Из содержания заявления и полиса усматривается, что указанные документы заполнены печатным способом, включая отметки - значок "V" - о том или ином выборе условий страхования. При этом варианта страхования на предмет инвалидности по болезни не имеется.

При таких обстоятельствах суд, оценив волеизъявление сторон при заключении договора страхования с учетом отсутствия у потребителя специальных познаний, пришел к выводу о том, что наступившая у истца инвалидность относится к страховым случаям, на предмет которых заключался договор страхования.

Доводы заявителя о том, что договор страхования заключен на основании Общих правил страхования от несчастных случаев и болезней, сами по себе не опровергают вывода судов.

Так, п. 1.12.1 Правил предусмотрено, что несчастный случай - фактически произошедшее извне, возникшее внезапно, непредвиденно, помимо воли застрахованного событие, произошедшее в период действия договора страхования, в том числе: взрыв, утопление, действие электрического тока, удар молнии, нападение злоумышленников или животных, падение какого-либо предмета на застрахованного, падение самого застрахованного, удушение, отравление вредными веществами, наезд средств транспорта или их авария, резкое физическое перенапряжение конечностей или позвоночника, в результате чего происходит вывих сустава, частичный или полный разрыв мускулов, сухожилий, связок или сосудов. Если это прямо предусмотрено договором страхования, к несчастным случаям относятся также неправильные медицинские манипуляции.

В п. 1.12.2 Правил указано, что заболевание (болезнь) - заболевание, впервые выявленное (диагностированное) в период действия договора страхования либо, если это предусмотрено договором страхования, заявленное страхователем (застрахованным) и принятое страховщиком на страхование.

Таким образом, перечень указанных в Правилах несчастных случаев является не исчерпывающим, а определение в п. 1.12.2 заболевания (болезни) уточняет только период его выявления.

В соответствии с ч. 1 ст. 56 ГПК РФ каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом.

Между тем в возражениях на иск и в кассационной жалобе ответчиком не представлено обоснования того, что инсульт, вызванный внешними факторами, произошедший внезапно, непредвиденно и помимо воли застрахованного, не является предусмотренным договором страховым случаем.

Как видно из материалов дела, программы по страхованию от несчастных случаев и болезней, включая программу страхования, по которой был застрахован истец, не предусматривают каких-либо различий в страховых рисках инвалидности от несчастного случая и от болезни, в том числе и в тарифах. Каких-либо сведений о программах, предусматривающих страхование лишь от болезни или от болезни в дополнение к несчастному случаю, не имеется.

Решение суда основано на оценке обстоятельств дела и толковании условий договора.

Доводы кассационной жалобы страховой компании, основанные на несогласии с оценкой обстоятельств дела и с толкованием судом условий договора, сами по себе не могут служить основанием для кассационного пересмотра состоявшихся по делу судебных постановлений.

В соответствии с ч. 2 ст. 390 ГПК РФ при рассмотрении дела в кассационном порядке суд проверяет

правильность применения и толкования норм материального права и норм процессуального права судами, рассматривавшими дело, в пределах доводов кассационных жалобы, представления.

Суд кассационной инстанции не вправе устанавливать или считать доказанными обстоятельства, которые не были установлены либо были отвергнуты судом первой или апелляционной инстанции, предрешать вопросы о достоверности или недостоверности того или иного доказательства, преимуществе одних доказательств перед другими.

Кроме того, из материалов дела следует, что решение суда исполнено, денежные средства истцу - инвалиду I группы - выплачены, являются его собственностью.

В соответствии с принципом правовой определенности не допускается пересмотр окончательного решения суда исключительно в целях проведения повторного слушания по делу и постановления нового решения, а в соответствии с принципом уважения собственности не допускается произвольное лишение полученного по решению суда имущества.

Определение N 18-КГ17-27

Разрешение споров, возникающих из жилищных отношений

10. В случае прекращения семейных отношений бывшие члены семьи собственника жилого помещения утрачивают право пользования этим жилым помещением, если соглашением между ними не установлено иное.

Суд может рассмотреть вопрос о возможности сохранения за таким лицом права пользования жилым помещением на определенный срок на основании ч. 4 ст. 31 ЖК РФ.

Ш.С., действуя также в интересах несовершеннолетнего Ш.В., обратилась в суд с иском к Ш.А. о признании утратившим право пользования жилым помещением, снятии с регистрационного учета, выселении, возложении обязанности передать ключи.

В обоснование исковых требований Ш.С. указала, что состояла в браке с ответчиком. По условиям брачного договора Ш.С. на праве собственности принадлежит жилой дом. Ответчик зарегистрирован и продолжает проживать в спорном жилом доме, при этом создает невыносимые условия для проживания ей и ребенку. Соглашения о порядке проживания, пользования жилым домом между сторонами не достигнуто, ответчик, перестав быть членом ее семьи, утратил основания для проживания.

Судом установлено, что с 2003 года Ш.А. и Ш.С. состояли в браке, который расторгнут в 2015 году, от брака имеют несовершеннолетнего сына Ш.В.

В 2003 году между Ш.С. и Ш.А. заключен договор купли-продажи земельного участка с жилым домом. Данная сделка совершена с согласия Ш.А., право собственности зарегистрировано за Ш.С.

В спорном жилом доме проведена реконструкция за счет взятых супругами Ш.С. и Ш.А. в апреле 2008 года кредитных средств, задолженность по кредиту оплачивается ими совместно, окончание срока выплаты по кредиту - 2028 год. В этом доме проживают и имеют регистрацию Ш.С., Ш.А., их несовершеннолетний сын Ш.В.

В 2011 году между Ш.С. и Ш.А. заключен брачный договор, удостоверенный нотариусом, в соответствии с условиями которого по взаимному согласию сторон на все нажитое супругами во время брака имущество, в том числе и имущество, приобретенное до заключения данного договора, устанавливается правовой режим раздельной (индивидуальной) собственности каждого из супругов, действующий в отношении соответствующего имущества в период брака (п. 1.1). В случае расторжения брака супругами по взаимному согласию на все нажитое во время брака имущество сохраняется правовой режим раздельной собственности супругов, действующий в отношении соответствующего имущества в период брака, если этим договором не предусмотрено иное (п. 1.2). Доли в имуществе и (или) доходах коммерческих организаций, доли в уставных капиталах, а также любые имущественные права на приобретенные в период брака объекты недвижимого имущества (земельные участки, здания, сооружения, жилые и нежилые помещения (доли в праве собственности), движимого имущества, в том числе автомобили, мотоциклы, яхты и иное,

права по договорам инвестиционной деятельности и иное имущество являются во время брака и в случае его расторжения собственностью того из супругов, на имя которого они приобретены, оформлены, зарегистрированы.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, в удовлетворении иска отказано.

Отказывая в удовлетворении исковых требований, судебные инстанции пришли к выводу о том, что с учетом конкретных обстоятельств дела при отсутствии у Ш.А. каких-либо прав на другое жилое помещение достаточных оснований для признания ответчика утратившим право пользования спорным жилым помещением не имеется.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с вынесенными судебными постановлениями, указав, в частности, следующее.

Как следует из разъяснений, содержащихся в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 г. N 14 "О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации", по общему правилу, в соответствии с ч. 4 ст. 31 ЖК РФ в случае прекращения семейных отношений с собственником жилого помещения право пользования данным жилым помещением за бывшим членом семьи собственника этого жилого помещения не сохраняется, если иное не установлено соглашением собственника с бывшим членом его семьи. Это означает, что бывшие члены семьи собственника утрачивают право пользования жилым помещением и должны освободить его (ч. 1 ст. 35 ЖК РФ). В противном случае собственник жилого помещения вправе требовать их выселения в судебном порядке без предоставления другого жилого помещения.

По смыслу чч. 1 и 4 ст. 31 ЖК РФ к бывшим членам семьи собственника жилого помещения относятся лица, с которыми у собственника прекращены семейные отношения. Под прекращением семейных отношений между супругами следует понимать расторжение брака в органах записи актов гражданского состояния, в суде, признание брака недействительным.

Таким образом, юридически значимыми обстоятельствами для разрешения данного спора являлись обстоятельства, свидетельствующие о том, что семейные отношения между Ш.С. и Ш.А. прекращены, ответчик является бывшим членом семьи собственника жилого помещения, в силу закона после прекращения брака право пользования спорным жилым помещением за ним не сохраняется, соглашения между собственником спорной квартиры и Ш.А. о праве пользования спорной квартирой не имеется. Приобретение спорного имущества на совместные денежные средства, мотивы заключения брачного договора правового значения для разрешения возникшего спора не имеют.

Судами также не принято во внимание, что при рассмотрении иска собственника жилого помещения к бывшему члену семьи о прекращении пользования жилым помещением и выселении в целях обеспечения баланса интересов сторон спорного правоотношения суд, исходя из положений ч. 4 ст. 31 ЖК РФ, может решить вопрос о возможности сохранения за бывшим членом семьи права пользования жилым помещением на определенный срок.

Определение N 85-КГ17-19

11. Лица, вселенные в квартиру в качестве членов семьи собственника, не имеют права на внеочередное обеспечение жилым помещением в связи с признанием многоквартирного дома, в котором данная квартира расположена, аварийным.

Г., действующая в своих интересах и в интересах своей несовершеннолетней дочери, обратилась в суд с иском к администрации муниципального образования о предоставлении во внеочередном порядке благоустроенного жилого помещения. В обоснование иска Г. указала, что вместе с несовершеннолетней дочерью проживала и была зарегистрирована в квартире, принадлежащей на праве собственности ее матери Г.Ф. В результате произошедшего пожара указанный дом фактически был уничтожен. Заключение межведомственной комиссии многоквартирный дом признан аварийным и подлежащим сносу. Поскольку она признана малоимущей и в составе семьи из двух человек, включая несовершеннолетнюю Г.Н., поставлена на учет граждан, нуждающихся в жилом помещении, предоставляемом по договору социального найма, полагает, что на ответчика должна быть возложена обязанность предоставить ей с учетом дочери во

внеочередном порядке благоустроенное жилое помещение площадью не менее нормы предоставления.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции исходил из того, что поскольку Г. не является нанимателем жилого помещения муниципального жилищного фонда либо собственником жилого помещения, то в силу положений ст. 32, 49, 57, 85 и 86 ЖК РФ, а также Федерального закона от 21 июля 2007 г. N 185-ФЗ "О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства" правом на обеспечение благоустроенным жилым помещением во внеочередном порядке не обладает.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об удовлетворении иска, суд апелляционной инстанции исходил из того, что, поскольку единственное для проживания истца жилое помещение в установленном законом порядке признано непригодным для проживания и решением органа местного самоуправления определено к сносу, а истец признана малоимущей и принята на учет в качестве лица, нуждающегося в жилом помещении (отдельно от собственника жилого помещения, подлежащего сносу), у органов местного самоуправления в силу ст. 57 ЖК РФ возникла обязанность по предоставлению истцу благоустроенного жилого помещения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что выводы суда апелляционной инстанции сделаны с нарушением норм материального права.

Жилищные права собственника жилого помещения в доме, признанном в установленном порядке аварийным и подлежащим сносу, обеспечиваются в порядке, предусмотренном ст. 32 ЖК РФ.

Согласно ч. 10 ст. 32 ЖК РФ признание в установленном Правительством Российской Федерации порядке многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции является основанием предъявления органом, принявшим решение о признании такого дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, к собственникам помещений в указанном доме требования о его сносе или реконструкции в разумный срок. В случае, если данные собственники в установленный срок не осуществили снос или реконструкцию указанного дома, земельный участок, на котором расположен указанный дом, подлежит изъятию для муниципальных нужд и, соответственно, подлежит изъятию каждое жилое помещение в указанном доме, за исключением жилых помещений, принадлежащих на праве собственности муниципальному образованию, в порядке, предусмотренном чч. 1 - 3, 5 - 9 данной статьи.

В соответствии с ч. 1 ст. 32 ЖК РФ жилое помещение может быть изъято у собственника путем выкупа в связи с изъятием соответствующего земельного участка для государственных или муниципальных нужд. Выкуп части жилого помещения допускается не иначе как с согласия собственника.

По соглашению с собственником жилого помещения ему может быть предоставлено взамен изымаемого жилого помещения другое жилое помещение с зачетом его стоимости при определении размера возмещения за изымаемое жилое помещение (ч. 8 ст. 32 ЖК РФ).

Вместе с тем, если жилой дом, признанный аварийным и подлежащим сносу, включен в региональную адресную программу по переселению граждан из аварийного жилищного фонда, то собственник жилого помещения в таком доме в силу п. 3 ст. 2, ст. 16 Федерального закона от 21 июля 2007 г. N 185-ФЗ "О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства" имеет право на предоставление другого жилого помещения либо его выкуп.

Судом по делу установлено, что жилое помещение, принадлежащее матери истца на праве собственности, находится в доме, признанном непригодным для проживания и подлежащим сносу, который не включен в адресную программу по переселению граждан из аварийного жилищного фонда; истец, а также ее несовершеннолетняя дочь, вселены в указанное жилое помещение его собственником и проживали в нем в качестве членов семьи последнего, а потому исходя из содержания приведенных выше норм Г. права на внеочередное предоставление жилого помещения в связи с признанием жилого дома аварийным, в котором ее матери принадлежит на праве собственности жилое помещение, не имеет, а правом на получение возмещения за жилое помещение в соответствии с требованиями ст. 32 ЖК РФ обладает только собственник жилого помещения, то есть мать Г.

При указанных обстоятельствах у суда апелляционной инстанции отсутствовали правовые основания для отмены решения суда первой инстанции и вынесения нового решения об удовлетворении исковых

**Разрешение споров, связанных с трудовыми
и социальными отношениями**

12. Факт смерти военнослужащего при исполнении обязанностей военной службы подтверждается в том числе справкой установленной формы, составленной уполномоченным должностным лицом о том, что в момент смерти военнослужащий находился на территории воинской части в связи со служебной необходимостью.

Заключение военно-врачебной комиссии о причинной связи заболевания, приведшего к смерти военнослужащего, с исполнением им обязанностей военной службы требуется для подтверждения смерти военнослужащего вследствие военной травмы.

Л.Е. и Л.А. обратились 21 марта 2016 г. в суд с иском к открытому акционерному обществу "Страховое общество газовой промышленности" (далее - страховщик) о признании права на получение единовременного пособия и взыскании единовременного пособия, предусмотренного ч. 8 ст. 3 Федерального закона от 7 ноября 2011 г. N 306-ФЗ "О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат" (далее - Федеральный закон N 306-ФЗ), компенсации морального вреда.

Судом установлено и следует из материалов дела, что Л.Е. являлась супругой, а Л.А., 1993 года рождения, - сыном военнослужащего - полковника Л.С., проходившего военную службу в войсковой части в должности начальника центра управления - заместителя начальника штаба по боевому управлению и умершего 25 декабря 2014 г.

По результатам проведенного служебного разбирательства по факту смерти Л.С. заместителем начальника штаба войсковой части составлен рапорт от 28 декабря 2014 г., а заместителем начальника центра управления войсковой части - рапорт от 27 мая 2015 г. о том, что в соответствии с должностными и специальными обязанностями начальник центра управления Л.С. получил сигнал оповещения, отданный от имени командира войсковой части, о введении степени боевой готовности, приступил к выполнению приказа, был обязан экипироваться, прибыть на службу. При выполнении приказа, исполняя свои обязанности начальника центра управления, Л.С. умер.

25 декабря 2014 г. полковник Л.С. находился по месту прохождения военной службы в войсковой части (справка начальника штаба войсковой части от 30 декабря 2015 г.).

Согласно выписке из приказа командующего ракетными войсками стратегического назначения по личному составу от 31 января 2015 г. полковник Л.С. в соответствии с п. 7 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. N 53-ФЗ "О воинской обязанности и военной службе" (далее - Федеральный закон N 53-ФЗ) и ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации N 1237, исключен с 26 декабря 2014 г. из списков личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации в связи со смертью 25 декабря 2014 г. В этом же документе указано, что смерть Л.С. наступила в период прохождения им военной службы, связана с исполнением обязанностей военной службы.

По факту смерти Л.С. командиром войсковой части выдана справка от 10 марта 2015 г. установленной формы о том, что смерть Л.С. наступила в период прохождения военной службы при исполнении обязанностей военной службы от острой коронарной недостаточности сердца.

По заключению военно-врачебной комиссии филиала главного центра военно-врачебной экспертизы Министерства обороны Российской Федерации от 26 марта 2015 г. заболевание полковника Л.С. "острая левожелудочковая недостаточность, вследствие повторного субэндокардиального инфаркта миокарда передней стенки левого желудочка", приведшее к его смерти, получено в период военной службы.

17 марта 2015 г. Л.Е. и Л.А. обратились в военный комиссариат с заявлениями о выплате единовременного пособия в связи со смертью Л.С., наступившей при исполнении обязанностей военной службы.

Выплату единовременных пособий, предусмотренных чч. 8 и 12 ст. 3 Федерального закона N 306-ФЗ, по соглашению от 16 января 2015 г., заключенному между Министерством обороны Российской Федерации и страховщиком, осуществляет последний.

Для решения вопроса о выплате единовременного пособия членам семьи умершего при исполнении обязанностей военной службы Л.С. (жене Л.Е., сыну Л.А. - курсанту 2 курса высшего военно-учебного заведения очной формы обучения и отцу Л.И.) начальник отдела военного комиссариата направил их заявления о выплате единовременного пособия с приложенными документами страховщику.

Страховщик направил командиру войсковой части запрос о представлении дополнительных документов для принятия решения о выплате единовременного пособия в равных долях членам семьи военнослужащего полковника Л.С.

Командиром войсковой части повторно выдана справка установленной формы о том, что смерть Л.С. наступила в период прохождения военной службы при исполнении обязанностей военной службы от острой коронарной недостаточности сердца.

Единовременное пособие страховщиком Л.Е. и Л.А. выплачено не было.

Разрешая спор и частично удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции, исходя из положений Федерального закона N 306-ФЗ, Федерального закона N 53-ФЗ с учетом установленных по делу обстоятельств, пришел к выводу о том, что смерть полковника Л.С. наступила от острой коронарной недостаточности сердца на территории войсковой части при исполнении им обязанностей военной службы, в связи с чем удовлетворил исковые требования о признании за членами семьи умершего Л.С. права на получение единовременного пособия, предусмотренного ч. 8 ст. 3 Федерального закона N 306-ФЗ, и взыскании со страховщика в пользу истцов единовременного пособия в равных долях в размере 2 110 000 руб.

Отменяя решение суда первой инстанции в части удовлетворения иска Л.Е. и Л.А. о признании за ними права на единовременное пособие и взыскании с ответчика этого пособия в их пользу и принимая в этой части новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований, суд апелляционной инстанции, ссылаясь на положения ст. 61 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации", пп. 91 и 94 Положения о военно-врачебной экспертизе, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июля 2013 г. N 565, исходил из того, что у членов семьи погибшего (умершего) военнослужащего право на получение единовременного пособия возникает только при наличии причинно-следственной связи заболевания, приведшего к смерти военнослужащего, с исполнением им обязанностей военной службы, в то время как согласно заключению военно-врачебной комиссии заболевание, приведшее к смерти полковника Л.С., получено им в период военной службы. Ввиду отсутствия доказательств того, что заболевание Л.С., приведшее к его смерти, является заболеванием, полученным им при исполнении обязанностей военной службы, суд апелляционной инстанции не признал за истцами права на получение единовременного пособия, предусмотренного ч. 8 ст. 3 Федерального закона о денежном довольствии военнослужащих.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение, оставив в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 8 ст. 3 Федерального закона N 306-ФЗ в случае гибели (смерти) военнослужащего или гражданина, призванного на военные сборы, наступившей при исполнении им обязанностей военной службы, либо его смерти, наступившей вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания, полученных им при исполнении обязанностей военной службы (далее - военная травма), до истечения одного года со дня увольнения с военной службы (отчисления с военных сборов или окончания военных сборов), членам семьи погибшего (умершего) военнослужащего или гражданина, проходившего военные сборы, выплачивается в равных долях единовременное пособие в размере 3 000 000 руб.

Согласно п. 1 ч. 11 ст. 3 указанного федерального закона членами семьи военнослужащего, гражданина, призванного на военные сборы, или инвалида вследствие военной травмы, имеющими право на получение единовременного пособия, предусмотренного ч. 8 данной статьи, и ежемесячной денежной компенсации, установленной чч. 9 и 10 данной статьи, независимо от нахождения на иждивении погибшего (умершего) кормильца или трудоспособности считаются в том числе супруга (супруг), состоящая (состоящий)

на день гибели (смерти) военнослужащего, гражданина, призванного на военные сборы, или инвалида вследствие военной травмы в зарегистрированном браке с ним; дети, обучающиеся в образовательных организациях по очной форме обучения, - до окончания обучения, но не более чем до достижения ими возраста 23 лет.

Из содержания ч. 8 ст. 3 Федерального закона N 306-ФЗ следует, что гибель (смерть) военнослужащего признается основанием для выплаты членам его семьи единовременного пособия в двух имеющих самостоятельное значение случаях: если она наступила при исполнении им обязанностей военной службы либо вследствие военной травмы до истечения одного года со дня увольнения с военной службы.

Пунктом 1 ст. 37 Федерального закона N 53-ФЗ определен перечень случаев, когда военнослужащий признается исполняющим обязанности военной службы.

Так, в соответствии с подп. "б", "д", "е" данного пункта военнослужащий считается исполняющим обязанности военной службы в случаях: исполнения должностных обязанностей; выполнения приказа или распоряжения, отданных командиром (начальником); нахождения на территории воинской части в течение установленного распорядком дня служебного времени или в другое время, если это вызвано служебной необходимостью.

В п. 2 ст. 37 Федерального закона N 53-ФЗ приводится исчерпывающий перечень случаев, когда военнослужащий не признается погибшим (умершим), получившим увечье (ранение, травму, контузию) или заболевание при исполнении обязанностей воинской службы. К ним отнесены случаи: а) самовольного нахождения вне расположения воинской части или установленного за пределами воинской части места военной службы, за исключением случаев, предусмотренных подп. "л", "м", "н", "о", "п" и "р" (нахождения в плену (за исключением случаев добровольной сдачи в плен), в положении заложника или интернированного; безвестного отсутствия - до признания военнослужащего в установленном законом порядке безвестно отсутствующим или объявления его умершим; защиты жизни, здоровья, чести и достоинства личности; оказания помощи органам внутренних дел, другим правоохранительным органам по защите прав и свобод человека и гражданина, охране правопорядка и обеспечению общественной безопасности; участия в предотвращении и ликвидации последствий стихийных бедствий, аварий и катастроф; совершения иных действий, признанных судом совершенными в интересах личности, общества и государства); б) добровольного приведения себя в состояние опьянения; в) совершения им деяния, признанного в установленном порядке общественно опасным.

В п. 31 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. N 8 "О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих" разъяснено, что исходя из положений чч. 8 и 9 ст. 3 Федерального закона "О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат" в случае гибели (смерти) военнослужащего или гражданина, призванного на военные сборы, наступившей при исполнении им обязанностей военной службы, либо смерти, наступившей вследствие военной травмы, членам его семьи выплачиваются установленные этим законом пособия и компенсации. Разрешая споры, связанные с предоставлением членам семьи указанных лиц социальных гарантий и компенсаций, судам следует проверять, наступила ли гибель (смерть) военнослужащего или гражданина, призванного на военные сборы, при исполнении ими обязанностей военной службы, принимая во внимание то, что при обстоятельствах, перечисленных в п. 2 ст. 37 Федерального закона "О воинской обязанности и военной службе" (например, совершение ими деяния, признанного в установленном порядке общественно опасным), военнослужащие или граждане, призванные на военные сборы, не признаются погибшими (умершими), получившими увечье или заболевание при исполнении обязанностей военной службы.

Приказом Министерства обороны Российской Федерации от 6 мая 2012 г. N 1100 утвержден Порядок выплаты в Министерстве обороны Российской Федерации единовременных пособий, предусмотренных чч. 8 и 12 ст. 3 Федерального закона N 306-ФЗ (далее также - Порядок выплаты единовременных пособий, Порядок).

Единовременные пособия военнослужащим или членам семей погибших (умерших) военнослужащих выплачиваются в установленных законодательством Российской Федерации случаях за счет средств Министерства обороны Российской Федерации организацией, с которой заключено соглашение об осуществлении выплат единовременных пособий военнослужащим и членам семей погибших (умерших) военнослужащих (п. 2 Порядка выплаты единовременных пособий).

Выплата единовременных пособий производится организацией на основании документов, подтверждающих наступление у военнослужащих или членов семей погибших (умерших) военнослужащих права на соответствующие выплаты (п. 3 Порядка).

Пункт 8 Порядка выплаты единовременных пособий содержит положения, аналогичные положениям п. 1 ст. 37 Федерального закона N 53-ФЗ, определяющим случаи, когда военнослужащий считается исполняющим обязанности военной службы.

Пункт 9 Порядка аналогичен по содержанию п. 2 Федерального закона N 53-ФЗ, предусматривающему случаи, когда военнослужащий не признается погибшим (умершим), получившим увечье (ранение, травму, контузию) или заболевание при исполнении обязанностей военной службы.

В п. 12 Порядка выплаты единовременных пособий перечислены необходимые документы, которые воинские части (военные комиссариаты, отделы военных комиссариатов) оформляют и направляют в страховую организацию для принятия решения о выплате единовременного пособия членам семьи погибшего (умершего) военнослужащего.

В числе этих документов в подп. "б" п. 12 Порядка указана справка согласно приложению N 2 к Порядку. Из содержания формы данной справки следует, что в ней должностным лицом воинской части (военного комиссариата, отдела военного комиссариата) указываются обстоятельства гибели (смерти) военнослужащего: вследствие увечья (ранения, травмы, контузии), заболевания, полученных им при исполнении обязанностей ("военная травма"); при исполнении обязанностей военной службы, при обстоятельствах, указанных в соответствии с рапортом по факту гибели (смерти) военнослужащего или материалами административного расследования, расследования, проводимого органами дознания (следствия), вынесенными судебными решениями.

В подп. "д" п. 12 Порядка выплаты единовременных пособий в числе документов, требуемых для принятия решения о выплате единовременного пособия, также названо заключение военно-врачебной комиссии о причинной связи заболевания, приведшего к смерти военнослужащего, с исполнением им обязанностей военной службы в формулировке "военная травма". При этом в примечании к подп. "д" поясняется, что данное заключение военно-врачебной комиссии представляется в случае гибели (смерти) военнослужащего, наступившей при обстоятельствах, не указанных в п. 8 данного Порядка (в п. 8 Порядка предусмотрены случаи, когда военнослужащий считается исполняющим обязанности военной службы).

Таким образом, из приведенных положений нормативных правовых актов следует, что для решения вопроса о выплате членам семьи погибшего (умершего) военнослужащего единовременного пособия в связи с его гибелью (смертью) при исполнении обязанностей военной службы доказательствами, подтверждающими гибель (смерть) военнослужащего при исполнении им обязанностей военной службы, являются соответствующие документы, в том числе справка установленной формы, составленная уполномоченным должностным лицом на основании рапорта по факту гибели (смерти) военнослужащего или материалов административного расследования, расследования, проводимого органами дознания (следствия), вынесенных судебных решений, о том, что военнослужащий погиб (умер) при исполнении обязанностей военной службы, а заключение военно-врачебной комиссии о причинной связи заболевания, приведшего к смерти военнослужащего, с исполнением им обязанностей военной службы представляется для подтверждения смерти военнослужащего вследствие военной травмы.

Ввиду изложенного вывод суда апелляционной инстанции о том, что у истцов - членов семьи умершего военнослужащего полковника Л.С. - не имеется права на получение единовременного пособия, поскольку отсутствуют доказательства причинно-следственной связи смерти Л.С. с исполнением им обязанностей военной службы (заключение военно-врачебной комиссии о причинно-следственной связи заболевания Л.С., приведшего его к смерти, с исполнением им обязанностей военной службы), Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала неправомерным.

Судом апелляционной инстанции, в отличие от суда первой инстанции, не учтено, что в данном деле основанием исковых требований Л.Е. и Л.А. о признании права на получение единовременного пособия, предусмотренного ч. 8 ст. 3 Федерального закона N 306-ФЗ, и взыскании этого пособия со страховщика в их пользу была названа смерть военнослужащего полковника Л.С. при исполнении им обязанностей военной службы, а не вследствие военной травмы, в результате чего судом апелляционной инстанции неправильно определены правоотношения сторон и, соответственно, обстоятельства, имеющие значение для дела.

Между тем в материалах дела имеются документы, которые были приняты судом первой инстанции в качестве допустимых доказательств, подтверждающих смерть полковника Л.С. при исполнении обязанностей военной службы, а именно: выписка из приказа командующего ракетными войсками стратегического назначения от 31 января 2015 г., справки командира войсковой части, составленные по форме согласно Приложению N 2 к Порядку выплаты единовременных пособий, и рапорт по результатам проведенного разбирательства по факту смерти Л.С. от 27 мая 2015 г.

Кроме того, обстоятельств, предусмотренных п. 2 ст. 37 Федерального закона N 53-ФЗ, исключающих возможность признания Л.С. умершим при исполнении им обязанностей военной службы, судом апелляционной инстанции установлено не было, тогда как суд первой инстанции с учетом положений п. 1 ст. 37 данного федерального закона и представленных истцами доказательств в обоснование заявленных требований пришел к выводу о том, что смерть военнослужащего полковника Л.С., произошедшая на территории войсковой части при выполнении приказа, отданного командиром (выполнение запланированного тренировочного мероприятия), следует признать наступившей при исполнении обязанностей военной службы.

В связи с этим Судебная коллегия признала ошибочной и ссылку суда апелляционной инстанции в обоснование своего вывода об отказе в удовлетворении исковых требований истцов о признании за ними права на единовременное пособие и взыскании данной выплаты в их пользу на положения ст. 61 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" и пп. 91 и 94 Положения о военно-врачебной экспертизе, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июля 2013 г. N 565, так как названные нормы определяют лишь цели военно-врачебной экспертизы и формулировки для заключений военно-врачебной комиссии о причинной связи увечий, заболеваний, полученных военнослужащими.

Неправильное применение судом апелляционной инстанции норм материального права привело к незаконному лишению Л.Е. и Л.А. права на получение единовременного пособия в порядке ч. 8 ст. 3 Федерального закона N 306-ФЗ.

Определение N 51-КГ17-4

Процессуальные вопросы

13. Требования налогового органа о взыскании с наследника гражданина-налогоплательщика задолженности по транспортному налогу подлежат рассмотрению судом в порядке гражданского судопроизводства, поскольку переход данной обязанности к наследникам не является безусловным и требует соблюдения порядка, установленного гражданским законодательством.

Налоговый орган обратился в суд с иском к Г.Г. о взыскании задолженности по транспортному налогу.

В обоснование иска указано, что в 2011 году за Г.Э. было зарегистрировано транспортное средство, в связи с чем с указанного периода Г.Э. являлась плательщиком транспортного налога. В 2012 году Г.Э. умерла. Поскольку при жизни налогоплательщика образовалась задолженность по налогу в размере 1800 руб., а Г.Г. является наследником Г.Э., принявшим наследство, к нему перешла обязанность по уплате транспортного налога в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества.

Определением судьи первой инстанции, оставленным без изменения определением суда апелляционной инстанции, в принятии искового заявления отказано на основании п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ в связи с тем, что заявление налогового органа не подлежит рассмотрению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что состоявшиеся по делу судебные акты приняты с нарушением норм процессуального права.

Согласно ч. 1 ст. 4 Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 г. N 1-ФКЗ "О судах общей юрисдикции в Российской Федерации" суды общей юрисдикции осуществляют правосудие, разрешая споры и рассматривая дела, отнесенные к их компетенции, посредством гражданского, административного и уголовного судопроизводства.

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 22 ГПК РФ суды рассматривают и разрешают иски с участием граждан, организаций, органов государственной власти, органов местного самоуправления о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов, по спорам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых, жилищных, земельных, экологических и иных правоотношений.

В соответствии с п. 3 ч. 3 ст. 1 КАС РФ суды в порядке, предусмотренном данным кодексом, рассматривают и разрешают подведомственные им административные дела, связанные с осуществлением обязательного судебного контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, прав организаций при реализации отдельных административных властных требований к физическим лицам и организациям, в том числе административные дела о взыскании денежных сумм в счет уплаты установленных законом обязательных платежей и санкций с физических лиц.

В силу ч. 1 ст. 286 КАС РФ органы государственной власти, иные государственные органы, органы местного самоуправления, другие органы, наделенные в соответствии с федеральным законом функциями контроля за уплатой обязательных платежей (далее - контрольные органы), вправе обратиться в суд с административным иском о взыскании с физических лиц денежных сумм в счет уплаты установленных законом обязательных платежей и санкций, если у этих лиц имеется задолженность по обязательным платежам, требование контрольного органа об уплате взыскиваемой денежной суммы не исполнено в добровольном порядке или пропущен указанный в таком требовании срок уплаты денежной суммы и федеральным законом не предусмотрен иной порядок взыскания обязательных платежей и санкций.

По данному делу налоговый орган в порядке гражданского судопроизводства обратился в суд с требованием о взыскании с наследника задолженности по транспортному налогу, обязанность по уплате которого лежала на умершем гражданине-налогоплательщике, в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества.

В соответствии с пп. 1, 2 ст. 44 НК РФ обязанность по уплате налога или сбора возникает, изменяется и прекращается при наличии оснований, установленных названным кодексом или иным актом законодательства о налогах и сборах. Обязанность по уплате конкретного налога или сбора возлагается на налогоплательщика и плательщика сбора с момента возникновения установленных законодательством о налогах и сборах обстоятельств, предусматривающих уплату данного налога или сбора.

В силу п. 3 ст. 44 НК РФ обязанность по уплате налога и (или) сбора прекращается со смертью физического лица - налогоплательщика или с объявлением его умершим в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством Российской Федерации. Задолженность по налогам, указанным в п. 3 ст. 14 (транспортный налог) и ст. 15 НК РФ, умершего лица либо лица, объявленного умершим, погашается наследниками в пределах стоимости наследственного имущества в порядке, установленном гражданским законодательством Российской Федерации для оплаты наследниками долгов наследодателя.

Как предусмотрено ст. 1112 ГК РФ, в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности.

Таким образом, установленная налоговым законодательством возможность погашения наследниками умершего лица его налоговой задолженности не влечет за собой безусловного перехода данной обязанности к наследникам и требует соблюдения порядка, установленного гражданским законодательством.

Согласно п. 1 ст. 1175 ГК РФ наследники, принявшие наследство, отвечают по долгам наследодателя солидарно. Каждый из наследников отвечает по долгам наследодателя в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества.

Из приведенных выше норм права следует, что для возложения на наследника умершего лица обязанности исполнить его налоговые обязательства в порядке универсального правопреемства необходимо установить наличие обстоятельств, связанных с наследованием имущества. К таким обстоятельствам, имеющим значение для правильного разрешения спора, в частности, относятся: факт открытия наследства, состав наследства, круг наследников, принятие наследниками наследственного имущества, его стоимость. Данный спор, возникший из гражданских правоотношений, подлежит

рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства.

Определение N 75-КГ16-15

14. Отсутствие в материалах дела доказательств того, что копия определения суда о принятии искового заявления к производству и рассмотрению дела в порядке упрощенного производства ответчиком получена, является основанием для перехода к рассмотрению дела по общим правилам искового производства в связи с необходимостью выяснения дополнительных обстоятельств или исследования дополнительных доказательств.

3. обратился в суд с иском к администрации городского поселения о признании права собственности на самовольную постройку.

Дело рассмотрено в порядке упрощенного производства по правилам гл. 21.1 ГПК РФ.

Суд первой инстанции, разрешая дело и отказывая в удовлетворении исковых требований 3., исходил из того, что в нарушение ст. 56 ГПК РФ истец не доказал всех обстоятельств, необходимых для разрешения спора, в том числе наличия у него вещных прав на земельный участок, на котором возведена самовольная постройка, не представил доказательств того, что самовольная постройка соответствует параметрам, установленным документацией по планировке территории, правилам землепользования и застройки, не доказал возможность сохранения постройки ввиду отсутствия нарушений прав и охраняемых законом интересов других лиц и отсутствия угрозы жизни и здоровью граждан.

Оставляя решение суда первой инстанции без изменения, суд апелляционной инстанции, рассматривая апелляционные жалобы истца и ответчика, признавшего исковые требования, дополнительно сослался на то, что между сторонами отсутствует гражданско-правовой спор, а потому не имеется оснований признавать нарушенными права и охраняемые законом интересы истца со стороны ответчика.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала данные выводы не соответствующими требованиям закона по следующим основаниям.

Судом установлено, что 3. подал исковое заявление о признании права собственности на самовольно возведенное строение - гараж, построенный в 1994 году во дворе дома.

3. изготовил технический паспорт строения и получил справку начальника отдела архитектуры и градостроительства администрации муниципального образования о том, что разрешение на строительство гаража не выдавалось, поскольку его выдача не требовалась; гараж находится в зоне среднеэтажной жилой застройки (Ж-5), относится к условно разрешенному виду использования земельного участка и не препятствует обслуживанию инженерных сетей.

Определением судьи от 25 июля 2016 г. исковое заявление 3. принято к рассмотрению в порядке упрощенного производства, поскольку цена имущества определена истцом в размере 60 759,00 руб.

В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 232.2 ГПК РФ в порядке упрощенного производства рассматриваются дела по исковым заявлениям о признании права собственности, если цена иска не превышает ста тысяч рублей.

Однако каких-либо доказательств, подтверждающих кадастровую или рыночную стоимость имущества, истцом при подаче искового заявления представлено не было.

Допущенные нарушения были оставлены без внимания и судом апелляционной инстанции.

Кроме того, судебными инстанциями не было учтено следующее.

Лица, участвующие в деле, рассматриваемом в порядке упрощенного производства, считаются получившими копии определения о принятии искового заявления (заявления) к производству и рассмотрению дела в порядке упрощенного производства, если ко дню принятия решения суд располагает доказательствами вручения им соответствующих копий, направленных заказным письмом с уведомлением о вручении (ч. 1 ст. 113 ГПК РФ), а также в случаях, указанных в чч. 2 и 4 ст. 116 ГПК РФ, или иными доказательствами получения лицами, участвующими в деле, информации о начавшемся судебном процессе.

Доказательства получения администрацией городского поселения (ответчик по делу) копии определения суда о принятии искового заявления к производству и рассмотрении дела в порядке упрощенного производства в материалах дела отсутствуют.

Между тем, если ко дню принятия решения по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства, соответствующая информация в суд не поступила либо поступила, но с очевидностью свидетельствует о том, что лицо не имело возможности ознакомиться с материалами дела и представить возражения и доказательства в обоснование своей позиции в порядке, предусмотренном ч. 4 ст. 232.3 ГПК РФ, суд выносит определение о рассмотрении дела по общим правилам искового производства в связи с необходимостью выяснения дополнительных обстоятельств или исследования дополнительных доказательств (ч. 4 ст. 232.2 ГПК РФ).

Однако в нарушение указанных норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации суд не перешел к рассмотрению дела по общим правилам искового производства.

Определением о принятии искового заявления и рассмотрении дела в порядке упрощенного производства суд установил, что имеющими значение для дела и подлежащими доказыванию являются, в частности, наличие права на земельный участок, на котором осуществлено строительство; соблюдение целевого назначения и разрешенного использования земельного участка; наличие либо отсутствие разрешения на строительство, наличие отказа в выдаче разрешения на строительство, причины отказа в выдаче разрешения на строительство, соблюдение прав и законных интересов собственников, землевладельцев, землепользователей и арендаторов сопредельных земельных участков и иных объектов недвижимости; отсутствие угрозы жизни и здоровью граждан строительством гаража.

В то же время в нарушение ст. 56 ГПК РФ суд не определил, какой стороне - истцу или ответчику - надлежит их доказывать.

Тем самым были нарушены положения ч. 2 ст. 12 ГПК РФ, согласно которой суд, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, осуществляет руководство процессом, разъясняет лицам, участвующим в деле, их права и обязанности, предупреждает о последствиях совершения или несовершения процессуальных действий, оказывает лицам, участвующим в деле, содействие в реализации их прав, создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законодательства при рассмотрении и разрешении гражданских дел.

Ссылка суда апелляционной инстанции на отсутствие между сторонами гражданско-правового спора, положенная в обоснование отказа в удовлетворении апелляционной жалобы ответчика, признана Судебной коллегией неправильной.

Суд апелляционной инстанции не учел, что согласие ответчика с иском само по себе не свидетельствует об отсутствии гражданско-правового спора и наличии у истца возможности реализовать принадлежащее ему право во внесудебном порядке, поскольку согласно п. 3 ст. 222 ГК РФ право собственности на самовольную постройку, по общему правилу, может быть признано за лицом именно в судебном порядке.

Определение N 57-КГ17-4

15. Заявление о выдаче дубликата исполнительного документа, утраченного судебным приставом-исполнителем, согласно ч. 2 ст. 430 ГПК РФ может быть подано в течение месяца со дня, когда взыскателю стало известно об этом.

Вступившим в законную силу заочным решением суда от 1 июня 2007 г. с 3. в пользу банка взыскана задолженность по кредитному договору.

19 июня 2007 г. судом банку выдан исполнительный лист для принудительного взыскания с ответчика указанной денежной суммы.

24 июля 2007 г. судебным приставом-исполнителем на основании данного исполнительного листа возбуждено исполнительное производство.

28 декабря 2011 г. судебным приставом-исполнителем вынесено постановление об окончании исполнительного производства и возвращении исполнительного листа взыскателю в связи с тем, что невозможно установить местонахождение должника, его имущества либо получить сведения о наличии принадлежащих ему денежных средств и иных ценностей, находящихся на счетах, во вкладах или на хранении в кредитных организациях.

25 января 2016 г. представитель банка обратился в суд с заявлением о выдаче дубликата исполнительного листа, указав на то, что постановление об окончании исполнительного производства от 28 декабря 2011 г. и исполнительный лист в адрес банка не поступали.

По утверждению заявителя, о прекращении исполнительного производства с возвращением исполнительного листа банку стало известно в 2016 году после обращения банка к судебному приставу-исполнителю с запросом по поводу неисполнения решения суда.

Согласно ответу управления федеральной службы судебных приставов от 19 января 2016 г. реестр отправки почтовой корреспонденции, подтверждающий направление исполнительного документа в адрес взыскателя, уничтожен в связи с истечением срока хранения.

Определением суда заявление о выдаче дубликата исполнительного листа удовлетворено.

Отменяя определение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении заявления о выдаче дубликата исполнительного листа, суд апелляционной инстанции указал на то, что на момент обращения банка с заявлением о выдаче дубликата исполнительного листа истек трехлетний срок для предъявления исполнительного документа к исполнению.

По мнению суда апелляционной инстанции, оснований полагать, что срок пропущен по уважительной причине, не имеется, поскольку заявитель таких сведений не представил.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с вынесенным апелляционным определением, указав следующее.

В соответствии с ч. 1 ст. 21 Федерального закона от 2 октября 2007 г. N 229-ФЗ "Об исполнительном производстве" (далее - Закон об исполнительном производстве) исполнительные листы, выдаваемые на основании судебных актов, за исключением исполнительных листов, указанных в чч. 2, 4 и 7 данной статьи, могут быть предъявлены к исполнению в течение трех лет со дня вступления судебного акта в законную силу.

Согласно ч. 1 ст. 430 ГПК РФ в случае утраты подлинника исполнительного листа или судебного приказа (исполнительных документов) суд, принявший решение, вынесший судебный приказ, может выдать по заявлению взыскателя или судебного пристава-исполнителя дубликаты исполнительных документов.

Заявление о выдаче дубликата исполнительного документа может быть подано в суд до истечения срока, установленного для предъявления исполнительного документа к исполнению, за исключением случаев, если исполнительный документ был утрачен судебным приставом-исполнителем или другим осуществляющим исполнение лицом и взыскателю стало об этом известно после истечения срока, установленного для предъявления исполнительного документа к исполнению. В этих случаях заявление о выдаче дубликата исполнительного документа может быть подано в суд в течение месяца со дня, когда взыскателю стало известно об утрате исполнительного документа (ч. 2 ст. 430 ГПК РФ).

Таким образом, законом установлен специальный срок для обращения за выдачей дубликата исполнительного листа в случаях его утраты судебным приставом-исполнителем.

Обращаясь в суд за дубликатом исполнительного листа, банк указал, что исполнительный лист утрачен в результате ненадлежащего возвращения его судебным приставом-исполнителем в банк, то есть в результате действий судебного пристава-исполнителя, о чем банк узнал только в 2016 году.

Суд апелляционной инстанции, применяя общий трехлетний срок предъявления исполнительного листа, данным обстоятельствам оценку не дал и не разрешил вопрос о применении специального срока для обращения за дубликатом исполнительного листа.

Кроме того, согласно ч. 1 ст. 432 ГПК РФ срок предъявления исполнительного документа к исполнению прерывается предъявлением его к исполнению, если федеральным законом не установлено иное, а также частичным исполнением должником судебного постановления.

В силу ч. 1 ст. 22 Закона об исполнительном производстве срок предъявления исполнительного документа к исполнению прерывается в том числе частичным исполнением исполнительного документа должником.

После перерыва течение срока предъявления исполнительного документа к исполнению возобновляется. Время, истекшее до прерывания срока, в новый срок не засчитывается (ч. 2 ст. 22 Закона об исполнительном производстве).

Таким образом, при применении судом срока предъявления исполнительного листа существенное значение имеет факт наличия или отсутствия перерыва течения этого срока.

В соответствии с ч. 2 ст. 56 ГПК РФ суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, и выносит обстоятельства на обсуждение сторон, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались.

Поскольку судом первой инстанции срок предъявления исполнительного листа не применялся, то вопрос наличия или отсутствия перерыва его течения на обсуждение сторон не выносился.

Отменяя определение суда о выдаче дубликата исполнительного листа и отказывая в удовлетворении заявления о его выдаче на основании пропуска срока, суд апелляционной инстанции в нарушение приведенных положений ст. 56 ГПК РФ данный вопрос на обсуждение сторон также не поставил, тем самым лишил лиц, участвующих в деле, права представить доказательства по этому вопросу.

В кассационной жалобе банк ссылался на то, что должник производил частичное исполнение обязательства, в том числе в 2016 году, в связи с чем течение названного срока было прервано.

Данное обстоятельство, имеющее значение для разрешения вопроса о выдаче дубликата исполнительного листа, судом апелляционной инстанции не исследовалось и не получило никакой правовой оценки.

Определение N 16-КГ16-43